

Больше всего Ду Ицзэ удивляло то, что его мать, словно пружина, умела сгибаться и разгибаться. Как бы яростно ни разгоралась война накануне вечером, к утру она всегда возвращалась в привычное состояние, словно солнце, восходящее в положенное время. Стоило ей посидеть некоторое время перед маленьким туалетным столиком, как синяки и царапины на её лице исчезали. Она, как обычно, надевала фартук, завязывала высокий хвост и отправлялась на общую кухню в коридоре, чтобы приготовить еду для семьи, а затем уходила на работу.

Соседи хвалили отца Ду, говоря, что у него замечательный сын и красивая, добродетельная жена. Однако, возможно, из-за плохой звукоизоляции в доме-коридоре и близости бабушки Ли, она смогла разглядеть нечто странное.

В тот день Ду Ицзэ постучал в дверь Ли Минъюя, и тот, словно кролик, выскочил из комнаты, оживлённо рассказывая о своём ярком сне. Ду Ицзэ рассеянно кивал, но его уши были на острие — он услышал, как бабушка Ли тихо сказала:

— Это плохо и для ребёнка, и для тебя самой.

Ду Ицзэ заметил, как на мгновение застыла улыбка на лице его матери, но она лишь сжала губы, прищурилась и с улыбкой ответила:

— Что вы имеете в виду? У меня всё хорошо. Посмотрите.

Она даже нарочито поправила волосы у виска.

Бабушка Ли взглянула на Ду Ицзэ и с лёгкой грустью сказала:

— Мой сын всегда любит заниматься с вашим ребёнком. Если вы не против, и если он хочет, пусть иногда остаётся у нас ночевать...

— Ни за что! Как это возможно! — резко перебила матушка Ду, её голос звучал так пронзительно, будто мел скребёт по доске.

Она, видимо, сама не ожидала такой реакции, поэтому, приложив руку к груди, оглянулась на пустой коридор и затем, понизив голос, медленно произнесла:

— Вы уже стары, что вы понимаете? Вы не понимаете, вы не понимаете...

В то время Ду Ицзэ, хотя и был ещё ребёнком, уже смутно чувствовал, что что-то не так, но старался избегать этих скрытых под поверхностью сложных волн. Он не был равнодушным, просто, сталкиваясь с миром взрослых, где не было чётких формул, он чувствовал себя растерянным и напуганным.

Ли Миньюй тоже не помнил, когда именно всё изменилось. Он лишь заметил, что мясо на столе стало появляться гораздо реже. Однажды, когда ему посчастливилось съесть курицу, он обнаружил в ней половинку раздавленного куриного зада.

Ду Ицзэ был ещё больше озадачен. Он не понимал, почему его родители перестали ходить на работу. С чего это началось? Наверное, с того дня, когда его отец принёс домой конверт.

В доме Ду Ицзэ разразилась самая серьёзная ссора за всё время. Он смутно помнил, как они кричали друг на друга о том, что «все эти разговоры о переквалификации — чушь», и «ты ни черта не понимаешь». В конце концов, они уже не пытались решить проблему, а просто выплёскивали ярость, хватая друг друга за волосы и одежду. Белая ткань на мебели была испещрена следами обуви, эмалированные миски разбились о пол, и свет заходящего солнца отражался в осколках, как в стеклянных бусинах. Ду Ицзэ, с рюкзаком за спиной, молча собирался пойти к Ли Миньюю, но мать вдруг схватила его за воротник.

— Куда это ты?

— К другу.

— Никуда не пойдёшь!

Ду Ицзэ удивился:

— Почему?

— Я сказала, никуда не пойдёшь! — Матушка Ду, схватив его за плечо, резко спросила:

— А где твоё объяснительное?

Ду Ицзэ нахмурился и тихо ответил:

— Учитель сказал, что экзамен был сложный...

— Ты ещё споришь! — Матушка Ду тут же отвесила ему пощёчину. — Как ты смеешь спорить!

Это был первый раз, когда она ударила его.

— Я спрашиваю, почему ты не написал?

На правой щеке Ду Ицзэ быстро проступил красный отпечаток ладони. Он резко повернулся и уставился на отца, стоявшего неподалёку, стиснув зубы, произнёс:

— Я не написал.

Отец, увидев его взгляд, быстро подошёл, схватил Ду Ицзэ за воротник и спросил:

— На кого это ты смотришь? Ты что, мне угрожаешь?

Ду Ицзэ подняли в воздух, воротник душил его, почти лишая дыхания. Но он, словно сопротивляясь, сжал запястье отца и начал дрыгать ногами, в хаосе ударив его в живот.

Последствия этого удара были серьёзными. Лоб Ду Ицзэ ударился о бетонный пол, перед глазами замелькали звёзды, а затем отец, схватив его за руку, поднял с пола и потащил в комнату.

В тот день центр ссоры быстро сместился, и впервые родители Ду Ицзэ пришли к согласию по одному вопросу. Его затолкали в шкаф, и, получив удар под колено, он больше не мог встать, а лишь ползком устроился внутри, взяв бумагу и ручку, и начал разбирать задания с прошлого экзамена по китайскому языку.

Семья Ли Миньюя тоже почувствовала на себе последствия. Бабушка Ли нашла где-то пустую канистру, вымыла её, положила внутрь несколько кусков угля, поставила на колёса и начала продавать на улице лепёшки. Ли Миньюй не заметил особых перемен, кроме того, что их часто гоняли городские патрули, но ему казалось, что торговать на улице — это очень интересно, ведь он часто получал от соседних торговцев пару конфет.

Двое детей питались урывками, и их надежды были связаны с владельцем вонтонной. Хозяин, хоть и был странным и мало говорил, относился к Ду Ицзэ с особой добротой, возможно, видя его худые руки и ноги. Иногда, когда Ду Ицзэ шёл в школу, он наливал ему четыре маленьких вонтона, а если Ли Миньюй был рядом — а он обычно был рядом, — то и ему доставалась небольшая порция. Однако даже вонтонная не выдержала этого урагана. Однажды хозяин внезапно исчез вместе с женой. За неделю до этого Ли Миньюй, выглядывая из окна, спросил Ду Ицзэ:

— Что такое боевое братство?

Ду Ицзэ поднял веко:

— Это очень возвышенная дружба.

— А что значит «возвышенная»?

Ду Ицзэ раздражённо ответил:

— Это когда друзья вместе проходят через трудности.

— Ага, — задумчиво кивнул Ли Минъюй и торжественно заявил:

— Тогда у нас с тобой боевое братство! Товарищ Сяо Ду!

Ду Ицзэ стукнул его по голове:

— Я же говорил, не называй меня так!

Позже торговцы, с которыми они вместе работали, тоже постепенно исчезали из поля зрения Ли Минъюя. Одним из тех, кто оставил наибольшее впечатление, был мужчина по фамилии Лю, который всегда носил очки с серебряной оправой и был добродушным. Говорили, что раньше он работал учителем в начальной школе. За день до своего исчезновения он дал Ли Минъюю много закусок, и тот подумал, что он, как и многие, уехал искать лучшей доли. Пока однажды, гуляя по улице с пакетом чипсов, Ли Минъюй не увидел толпу людей, собравшихся у входа в дом-коридор. Он протиснулся в толпу и увидел, как дядю Лю вытаскивают из квартиры. Его лицо было в синяках, очки валялись рядом, стёкла разбиты, а дужки сломаны. Рядом лежали женщина и ребёнок, а на земле стояла такая же большая канистра, как у бабушки Ли, только она была доверху заполнена углём, и непонятно, что в ней варили раньше.

Ли Минъюй почувствовал горечь и вину. Он думал, что это из-за того, что он забрал все их закуски, семья дяди Лю голодала и дошла до предела.

В те времена люди жили в страхе. Улицы, которые раньше были полны жизни, в одночасье опустели. Ли Минъюй слышал, что кто-то украл печенье в магазине, и когда его поймали, он был настолько сыт, что не мог идти. Он умолял полицейских дать ему воды, но, когда вода попала в желудок, печенье разбухло, и его живот разорвался.

С тех пор Ли Минъюй почти перестал есть снеки.

Тем временем семья Ду Ицзэ тоже искала выход. Матушка Ду начала заниматься мелким бизнесом, вставала до рассвета и садилась за старую коричневую машинку, чтобы вязать свитера, постоянно нажимая на педаль. Но, экономя на свете, она так и не научилась вязать, а глаза её испортились. Белки глаз покрылись красными прожилками, они часто болели, и при ярком свете она не могла сдержать слёз.

<http://bllate.org/book/15266/1347224>